
Данна Леднива
Любовь
в стенах
академии
непредсказуема

Данна Леднива

Любовь в стенах академии непредсказуема

https://litres.ru/74703237
SelfPub; 2026

Аннотация

Она — ледяная принцесса, наследница проклятого рода, которая не позволяет себе чувствовать. Он — дерзкий выскочка, продавший душу тьме ради спасения сестры. Их ненавидят друг друга с первого взгляда. Но когда академия объявляет турнир, где победа может даровать исполнение желания, они вынуждены стать напарниками. Лёд и огонь. Невозможное сочетание. Опасное притяжение. И чем ближе они узнают друг друга, тем яснее понимают: их общая тьма сильнее, чем кажется. Но чтобы спасти друг друга, одному из них придётся отдать всё. Даже жизнь.

Содержание

ГЛАВА 1: «ЛЕДЯНОЙ ПРИЁМ» 4
ГЛАВА 2: «ОГОНЬ И ЛЁД» 16
ГЛАВА 3: «ПРАВИЛА И ИСКЛЮЧЕНИЯ» 28
ГЛАВА 4: «ТУРНИР ТЕНЕЙ» 41
ГЛАВА 5: «ТРЕЩИНЫ» 52
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Данна Леднива
Любовь в стенах академии непредсказуема

ГЛАВА 1: «ЛЕДЯНОЙ ПРИЁМ»

Море Туманов не любило чужаков.

Элира Вейл поняла это в тот самый момент, когда карета ступила на каменный мост, соединяющий материк с островом Тенебрис. Туман поднялся со всех сторон — плотный, серый, живой. Он скользил по обсидиановым перилам, цеплялся за колёса, заглядывал в окна кареты бесстыдно, словно пытаясь разглядеть, кто осмелился вторгнуться в его владения.

Элира не отодвинулась. Она никогда не отодвигалась.

— Миледи, — подала голос служанка напротив, — может, задернуть шторы?

— Нет.

Служанка — дородная женщина с добрым лицом и слишком громким дыханием — вздрогнула от ледяного тона и уткнулась взглядом в свои руки. Элира не испытывала ни малейшего укола совести. Она давно перестала замечать, как её голос действует на людей. Холод — это броня. Броня —

это выживание. Простая арифметика, которой её научили с детства.

За окном туман на мгновение расступился, и Элира увидела его.

Замок Арканума.

Чёрный. Массивный. Невозможный. Он вырастал из скалы, как продолжение самой земли — обсидиановые стены с серебряными прожилками, пять башен, устремлённых в небо, как пальцы утопленника, тянущиеся к воздуху. В окнах горел свет — холодный, голубоватый, магический. Ни одного тёплого огонька. Ни одной свечи. Академия не притворялась гостеприимной.

Хорошо. Элира не искала гостеприимства.

Карета остановилась у ворот. Кучер — старик с лицом, покрытым шрамами — спрыгнул с козел и открыл дверцу. Элира вышла, не дожидаясь, пока ей подадут руку. Её сапоги — чёрная кожа, подбитая серебром — ступили на каменные плиты, покрытые тонкой коркой льда. Она не поскользнулась. Она никогда не поскальзывалась.

— Миледи Вейл. — Перед ней возник человек в тёмно-синей мантии. Худой, бледный, с глазами цвета грозового неба. Он поклонился — ровно настолько, насколько требовал этикет, ни градусом ниже. — Добро пожаловать в Арканум. Я магистр Ференц, смотритель первого курса. Ваши вещи будут доставлены в общежитие Дома Аква. Прошу следовать за мной.

Он не спросил, как она добралась. Не поинтересовался, устала ли она с дороги. Просто повернулся и пошёл. Элира последовала за ним, отметив про себя: здесь не любят тратить слова. Ещё одна причина уважать это место.

Они прошли через главные ворота — кованые, чёрные, с гербами пяти стихий. Туман остался снаружи, словно не мог пересечь невидимую границу. Внутри замка воздух был холодным, но чистым, с лёгким запахом озона и старой бумаги. Магия чувствовалась везде — в серебряных прожилках на стенах, в лёгком гудении, доносящемся откуда-то снизу, в том, как свет факелов — а факелы здесь были настоящие, с живым огнём — дрожал и мерцал, будто пританцовывая.

— Церемония распределения начнётся через час, — сказал магистр Ференц, не оборачиваясь. — Око Арканума определит вашу стихию. После этого вы получите расписание, ключ от комнаты и правила академии. Нарушение правил карается отчислением. Некоторые — немедленным.

— Какие именно? — спросила Элира.

Магистр Ференц остановился. Обернулся. Посмотрел на неё — долго, внимательно, словно оценивая.

— Вы читали устав, леди Вейл?

— Дважды.

— Тогда вы знаете. — Он отвернулся и продолжил путь. — Драки вне Арены. Использование магии против студентов вне дуэлей. Комендантский час. Подземелья. И, разумеется, запретная магия. Некромантия. Контроль разума. Кровавые

ритуалы. Всё, что может нарушить баланс.

Элира кивнула. Баланс. Слово, которое она слышала всю жизнь. Её отец говорил о балансе, когда казнил её мать. Баланс требовал жертвы. Баланс требовал льда. Баланс требовал, чтобы Элира никогда, ни при каких обстоятельствах не показывала, что чувствует.

Она научилась. Хорошо научилась.

Главный зал академии был огромен.

Элира стояла в первом ряду — как и подобало дочери герцога Вейла — и смотрела на артефакт в центре зала. Око Арканума. Кристалл размером с человеческую голову, парящий в воздухе на высоте вытянутой руки. Он пульсировал — медленно, глубоко, переливаясь всеми цветами сразу. Вокруг него уже собрались первокурсники — сотни юношей и девушек в одинаковых чёрных мантиях. Они шептались, переглядывались, нервно теребили рукава.

Элира не шепталась. Она стояла неподвижно, с прямой спиной, с руками, сложенными перед собой. Ледяная статуя в море живых людей.

— Впечатляет, да?

Голос раздался справа. Элира повернула голову — медленно, с достоинством — и увидела девушку. Невысокую, с растрёпанными каштановыми волосами и глазами цвета весенней листвы. Улыбка — широкая, искренняя, совершенно неуместная в этом холодном зале.

— Серафина Морроу, — представилась девушка, не дожидаясь вопроса. — Дом Вентус. Аэромантия. А ты, судя по выражению лица, Элира Вейл. Ледяная принцесса.

Элира приподняла бровь.

— Ледяная принцесса?

— Ну а как тебя ещё называть? — Серафина ничуть не смутилась. — Все только о тебе и говорят. Дочь герцога Вейла. Лучшая выпускница своей подготовительной школы. Мастер боевого льда. И, судя по тому, как ты смотришь на всех, — будущая королева этого места.

Элира отвернулась.

— Мне неинтересно, что обо мне говорят.

— А зря. — Серафина встала рядом, ничуть не обескураженная холодным приёмом. — Слухи — это валюта. Особенно здесь. Хочешь выжить в Аркануме — знай, кто что о тебе думает. И кто что замышляет.

— Я не собираюсь здесь выживать, — сказала Элира. — Я собираюсь учиться.

Серафина фыркнула.

— Милая, в Аркануме это одно и то же.

Элира не ответила. В этот момент магистр Ференц поднял руку, и зал затих.

— Первокурсники! — Его голос, усиленный магией, раскатился под сводами. — Вы стоите в Главном зале Академии Арканума. Сегодня Око определит вашу стихию. Сегодня вы станете частью одного из пяти Домов. Помните: стихия —

это не выбор. Это суть. Это то, чем вы являетесь. Око не ошибается.

Он сделал паузу, обводя взглядом собравшихся.

— Первый ряд. Подходите по одному. Назовите своё имя. Коснитесь Ока. Оно покажет вашу стихию.

Элира смотрела, как первокурсники подходят к кристаллу. Один за другим. Касание — вспышка — цвет.

— Дориан Блэквуд. — Мальчик с тёмными волосами и мрачным взглядом коснулся кристалла. Зелёная вспышка. — Дом Терра.

— Лисандра Фэй. — Худенькая девочка с испуганными глазами. Синяя вспышка. — Дом Аква.

— Маркус Роу. — Крупный парень с наглой улыбкой. Алая вспышка. — Дом Игнис.

Очередь двигалась. Элира стояла неподвижно, считая удары сердца. Она знала, что будет. Все Вейлы — Аква. Её отец. Её брат. Её дед. Все, без исключения. Вода — это их наследие. Их проклятие.

Но когда она подошла к Оку, когда коснулась пальцами холодной поверхности кристалла, что-то пошло не так.

Око задрожало.

Свет внутри него заметался — синий, серебряный, фиолетовый. Зал ахнул. Магистр Ференц нахмурился.

— Леди Вейл, — сказал он, — сосредоточьтесь.

Элира сосредоточилась. Она влила в кристалл всю свою силу — холодную, чистую, ледяную. Око вспыхнуло синим.

Но на мгновение — всего на мгновение — по его поверхности пробежала фиолетовая искра. Эфир.

Зал замер.

Око успокоилось. Синий цвет — глубокий, стабильный — залил зал.

— Дом Аква, — объявил магистр Ференц. Но его голос звучал... настороженно.

Элира убрала руку. Она не показала ни удивления, ни страха. Но внутри — глубоко, в самой тёмной части её души — что-то дрогнуло. Фиолетовая искра. Эфир. Стихия, которую не должна была иметь ни одна Вейл.

Она вспомнила сон. Кровь на руках. Тело Кайена. И голос — низкий, чужой — который прошептал: *«Ты — не то, чем кажешься»*.

Элира сжала кулаки и отошла от Ока. Никто не сказал ни слова. Но она чувствовала взгляды. Сотни взглядов. И среди них — один, особенно тяжёлый. Она обернулась.

В дальнем конце зала, прислонившись к колонне, стоял парень. Высокий. С чёрными волосами до плеч. С руками, покрытыми ожогами. С глазами цвета янтаря — и в этих глазах горел огонь. Настоящий огонь. Он смотрел на неё — не с восхищением, не с презрением. С любопытством. Словно увидел что-то, чего не ожидал.

Элира отвернулась. Но чувство осталось. Словно она только что перешла невидимую черту. Словно что-то началось. Что-то, чего она не могла контролировать.

После церемонии студентов распределили по общежитиям. Элира шла по коридору Дома Аква — длинному, освещённому холодным светом, с окнами, выходящими на море. Туман снаружи не рассеялся. Он стал гуще. Словно пытался проникнуть внутрь.

— Твоя комната — третья дверь слева, — сказала Серафина, которая, к удивлению Элиры, вызвалась проводить её. — Я в соседней. Дом Вентус в другом крыле, но я договорилась с комендантом. Сказала, что мы родственницы.

— Мы не родственницы.

— Теперь родственницы. — Серафина подмигнула. — Доверься мне.

Элира остановилась у двери. Повернулась.

— Зачем ты это делаешь?

— Что?

— Помогаешь мне. Мы не знакомы. Я не просила. Зачем?

Серафина замолчала. Улыбка исчезла с её лица — впервые за всё время. Она посмотрела на Элиру — серьёзно, внимательно.

— Потому что я видела, как на тебя смотрели в зале, — сказала она тихо. — Как на чудовище. Или как на приз. Или как на угрозу. Но никто — никто — не смотрел на тебя как на человека. А я знаю, каково это. Быть одной в толпе.

Элира молчала. Слова Серафины задели что-то внутри — что-то, что она давно похоронила.

— Мне не нужна жалость, — сказала она наконец.

— Это не жалость. — Серафина покачала головой. — Это... союз. Две девушки, которые не вписываются. Звучит неплохо, да?

Элира не ответила. Она открыла дверь и вошла в комнату.

Комната была маленькой, но чистой. Кровать, стол, шкаф, окно. Всё простое, функциональное. На столе лежало расписание и ключ. Элира закрыла дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза.

Она была одна. Наконец-то.

Но одиночество не принесло облегчения. В голове всё ещё звучал голос из сна. *«Ты — не то, чем кажешься»*. И перед глазами стояли янтарные глаза. Парень с ожогами. Кайен Дравен.

Она не знала, почему запомнила его имя. Но запомнила.

Ночью Элира не спала.

Она лежала в кровати, уставившись в потолок, и слушала, как море бьётся о скалы. Сон не шёл. Слишком много мыслей. Слишком много вопросов.

Фиолетовая искра. Эфир. Что это значит? Она не могла быть эфиромантом. Это невозможно. Эфир — редчайшая стихия. Один на тысячу. Один на десять тысяч. Вейлы — вода. Всегда вода. Всегда.

Но Око не ошибается. Так сказал магистр Ференц.

Элира перевернулась на бок. Взгляд упал на её левую ла-

донь. Шрам. Тонкая белая линия, пересекающая ладонь от большого пальца до мизинца. Она не помнила, откуда он. Сколько себя помнила — он всегда был там. Отец говорил, что это след от ритуала. Какого ритуала — он не объяснял. А она не спрашивала. Некоторые вопросы опаснее ответов.

Она сжала кулак. Шрам запульсировал — слабо, почти незаметно. Словно напоминая о себе.

Элира закрыла глаза. И наконец — провалилась в сон.

Сон был ярким. Слишком ярким.

Она стояла в Подземельях. Каменные стены, покрытые мхом. Факелы, отбрасывающие дрожащие тени. В воздухе — запах крови. И тишина. Гнетущая, абсолютная.

Перед ней лежал Кайен.

Он был бледен. Глаза закрыты. На груди — рана. Кровь. Много крови. Слишком много.

Элира опустилась на колени. Её руки были в крови. Она держала его — пыталась остановить кровотечение, пыталась что-то сделать. Но магия не слушалась. Лёд не шёл. Только тьма — чёрная, липкая — выползала из её пальцев и вливалась в его рану.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Кайен открыл глаза. Янтарные. Тускнеющие.

— Элира... — Его голос был хриплым. — Ты... не виновата.

— Я убила тебя, — прошептала она. — Я убила тебя...

Он улыбнулся. Слабо. Искренне.

— Ты меня спасла.

Кровь на её руках стала чёрной. Тьма поползла по её коже, поднимаясь к сердцу. Элира закричала.

И проснулась.

Она сидела в кровати, тяжело дыша. Рубашка прилипла к спине. Волосы растрепались. На ладони — шрам — пульсировал. Сильнее, чем раньше. Гораздо сильнее.

Элира посмотрела на руку. По коже — от шрама к запястью — тянулась тонкая чёрная линия. Вена. Или трещина. Или что-то хуже.

Она сжала кулак. Линия исчезла. Но осталась — под кожей. Ждала.

Элира встала. Подошла к окну. Море Туманов бушевало. Волны бились о скалы. Туман — плотный, серый — скрывал горизонт.

Она не знала, что это было. Сон? Видение? Проклятие?

Но она знала одно: в этом месте — в Академии Арканума — её ждёт что-то. Что-то тёмное. Что-то опасное. И, возможно, что-то, что она не сможет контролировать.

Она посмотрела на своё отражение в стекле. Бледное лицо. Ледяные глаза. Платиновые волосы, рассыпавшиеся по плечам.

— Ледяная принцесса, — прошептала она. — Если бы они знали.

Она отвернулась от окна и начала одеваться. Утро приближалось. Первый день занятий. Первый день в новой жизни.

Элира Вейл не верила в предчувствия. Но сегодня — впервые за долгое время — она чувствовала, что что-то надвигается. Что-то, от чего нельзя убежать. Что-то, что изменит всё.

Она застегнула мантию. Поправила волосы. Надела перчатки — чтобы скрыть шрам. И вышла из комнаты.

Коридор был пуст. Только холодный свет и тишина. Элира шла к выходу — и не знала, что в этот самый момент, в другом крыле академии, парень с янтарными глазами тоже не спал. Тоже смотрел на свою руку. Тоже видел чёрные линии — ожоги, которые не заживали. И тоже чувствовал, что что-то надвигается.

Они не знали друг о друге почти ничего. Но между ними уже протянулась нить. Тонкая, как трещина во льду. Крепкая, как огонь.

И этой нити суждено было связать их. Или уничтожить.

ГЛАВА 2: «ОГОНЬ И ЛЁД»

Кайен Дравен проснулся от собственного крика.

Он сидел на кровати, вцепившись пальцами в одеяло, и тяжело дышал. Рубашка промокла от пота. Волосы прилипли ко лбу. В ушах всё ещё звучал голос — низкий, вкрадчивый, чужой.

«Ты слаб. Прими меня.»

Кайен сжал зубы и заставил себя дышать медленнее. Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Он знал этот голос. Слышал его каждую ночь уже три месяца. С тех пор, как заключил сделку. С тех пор, как продал часть себя ради Лиры.

Комната была маленькой и тесной — общежитие Дома Игнис не баловало роскошью. Две кровати, два стола, два шкафа. На стене — герб с фениксом, вырезанный из дерева и покрытый лаком. Окно выходило на внутренний двор, где круглосуточно горел магический костёр — символ стихии огня. Его свет — оранжевый, дрожащий — падал на пол, окрашивая всё в тёплые тона.

Кайен посмотрел на свои руки. Ожоги. Старые и новые. Белые шрамы на костяшках, розовые пятна на ладонях, тёмные полосы на запястьях. Следы тренировок. Следы сделки. Следы тьмы.

Он сжал кулаки. Ожоги запульсировали — слабо, почти незаметно. Но он чувствовал. Что-то внутри него шевели-

лось. Что-то, что не было огнём.

— Ты опять кричал.

Голос раздался из угла комнаты. Кайен не вздрогнул. Он знал, кто это.

Дориан Блэквуд сидел на своей кровати, скрестив ноги, и смотрел на него. Тёмные волосы, мрачные глаза, лицо, которое никогда не выражало эмоций. Они были соседями всего неделю, но Кайен уже понял: Дориан не любит слова. И не задаёт лишних вопросов.

— Кошмар, — коротко ответил Кайен.

Дориан кивнул. Не спросил, какой. Не предложил помощь. Просто встал, подошёл к столу и протянул Кайену кусок хлеба и флягу с водой.

— Ешь, — сказал он. — Сегодня распределение по боевым группам. Будешь слабым — тебя сожрут.

Кайен взял хлеб. Откусил. Вкуса не чувствовал. Но жевал — механически, как учил себя. Еда — это топливо. Топливо — это сила. Сила — это выживание.

— Спасибо, — сказал он.

Дориан не ответил. Он просто вернулся на свою кровать и закрыл глаза. Через минуту его дыхание стало ровным. Он спал. Или делал вид. Кайен не знал. Но был благодарен. За молчание. За хлеб. За то, что Дориан не смотрел на него как на чудовище.

Он доел хлеб, выпил воду и подошёл к окну. Костёр во дворе всё ещё горел. Вокруг него — несмотря на ранний час

— уже собирались студенты. Игнис. Огненные маги. Такие же, как он. Или не такие.

Кайен прижал ладонь к стеклу. Ожоги на пальцах вспыхнули — на секунду, на мгновение — чёрным. Он отдёрнул руку. Слишком поздно. Он видел.

Тьма росла.

Письмо пришло с утренней почтой.

Кайен сразу узнал почерк — корявый, неровный, с каплями чернил. Лира. Сестра писала ему каждую неделю. Иногда — чаще. Он развернул пергамент, сел на кровать и начал читать.

«Кайен,

Я чувствую себя лучше. Целительница говорит, что это хороший знак. Она дала мне новое лекарство — горькое, но я пью. Каждый день. Обещаю.

Не волнуйся обо мне. Учись. Стань сильным. Стань лучшим. Я знаю, ты сможешь.

Я горжусь тобой.

Твоя Лира.»

Кайен сжал пергамент. Бумага смялась под пальцами. Он знал этот почерк. Знал эти слова. Она писала то же самое каждую неделю. Одни и те же фразы. Одни и те же обещания. Но за ними — он чувствовал — скрывалась боль. Лира врала. Она всегда врала, чтобы он не волновался. Но он знал правду.

Эфирная чума. Редкое заболевание. Неизлечимое. Целители давали ей год. Может, меньше. Может, больше. Никто не знал точно. Но все знали: чума не отступает. Она пожирает. Медленно. Неумолимо.

Кайен закрыл глаза. Перед ним — лицо Лиры. Двенадцать лет. Худенькая, бледная, с такими же янтарными глазами, как у него. Она всегда улыбалась. Даже когда ей было больно. Особенно когда ей было больно.

«Ты справишься, — говорила она. — Ты сильный. Ты мой брат.»

Кайен открыл глаза. Тьма внутри него зашевелилась.

«Я могу её спасти, — прошептал голос. — Прими меня. Дай мне контроль. Я вылечу её. Я всё могу.»

— Замолчи, — прошипел Кайен. — Я не приму тебя. Никогда.

«Посмотрим.»

Голос исчез. Но осталось чувство — липкое, тяжёлое, как грязь на коже. Кайен встал. Спрятал письмо в карман. Надел мантию. Перчатки — чтобы скрыть ожоги. И вышел из комнаты.

Дориан открыл один глаз. Проводил его взглядом. Ничего не сказал.

Арена Испытаний была огромной.

Кайен стоял в первом ряду вместе с остальными первокурсниками Дома Игнис и смотрел на профессора Торн.

Женщина была высокой, широкоплечей, с седыми волосами, заплетёнными в тугую косу, и глазами цвета расплавленного золота. Она носила алую мантию с гербом феникса на груди. Говорила громко. Чётко. Без эмоций.

— Боевая магия — это не игра, — сказала она, обводя взглядом студентов. — Это искусство убивать. Искусство выживать. Здесь вы научитесь контролировать свою стихию. Направлять её. Использовать как оружие. Но помните: огонь не прощает ошибок. Он пожирает всё. Включая своего хозяина.

Она сделала паузу. Все молчали.

— Сегодня — первый спарринг. Вы будете сражаться в парах. Стихии — разные. Это сделано специально. Вы должны научиться противостоять тому, что противоположно вашей природе. Огонь против воды. Воздух против земли. Эфир — против всех.

Кайен почувствовал, как что-то сжалось в груди. Противоположная стихия. Вода. Лёд. Она.

Профессор Торн начала называть пары. Кайен слушал вполуха. Он смотрел на противоположный конец арены, где стояли студенты Дома Аква. Синие мантии. Холодные лица. И среди них — она.

Элира Вейл.

Она стояла с прямой спиной, сложив руки перед собой. Ледяная статуя. Платиновые волосы, собранные в косу. Голубые глаза — ледяные, пустые. Она смотрела прямо перед

собой. Не на него. Ни на кого.

Кайен видел её вчера. На церемонии. Когда она коснулась Ока, и по кристаллу пробежала фиолетовая искра. Он заметил. Он всегда замечал то, что другие пропускали. Фиолетовый — цвет Эфира. Редчайшая стихия. Но Око показало синий. Воду.

Значит, она что-то скрывает.

Кайен усмехнулся. Ещё одна тайна. Ещё один секрет. В Аркануме все что-то скрывали. Он — тьму. Она — что-то другое. Интересно, что.

— Дравен, — голос профессора Торн прервал его мысли. — Ты в паре с Вейл.

Кайен вздрогнул. Обернулся. Элира тоже повернула голову — впервые за всё время. Их взгляды встретились. Янтарный и голубой. Огонь и лёд.

Она не улыбнулась. Не кивнула. Просто посмотрела — холодно, оценивающе. Как на врага. Как на угрозу.

Кайен ответил тем же. Он не собирался показывать слабость. Особенно перед ней. Особенно перед дочерью герцога Вейла — человека, который, по слухам, ненавидел простолюдинов. И особенно перед девушкой, которая, возможно, скрывала нечто большее, чем просто тайну.

— Выходите на арену, — приказала профессор Торн.

Кайен шагнул вперёд.

Арена была круглой. Каменный пол, покрытый защитны-

ми рунами. Барьеры по краям — магические, мерцающие. За ними — студенты. Сотни глаз. Сотни шёпотов.

Кайен стоял напротив Элиры. Расстояние — десять шагов. Он чувствовал жар в груди. Огонь просыпался. Медленно. Неохотно. Словно чувствовал, что противник — особенный.

Элира стояла неподвижно. Её руки были опущены. По пальцам — медленно, лениво — стекал иней. Лёд. Холодный. Чистый. Опасный.

— Начали, — сказала профессор Торн.

Элира атаковала первой.

Она не делала резких движений. Не кричала. Просто подняла руку — и воздух вокруг Кайена стал ледяным. Острые шипы льда выросли из пола, устремились к нему — быстро, неумолимо.

Кайен отскочил. Огонь вспыхнул в его ладонях — инстинктивно, без команды. Он выбросил вперёд руку, и стена пламени встретила лёд. Пар. Шипение. Облако, скрывшее арену.

Элира не остановилась. Она двинулась вбок — быстро, грациозно, как танцовщица. Новые шипы — ещё больше, ещё острее. Кайен уклонился. Один. Другой. Третий задел плечо. Боль. Резкая, холодная. Но он не остановился.

Он рванулся вперёд. Огонь вокруг него — не просто пламя, а живое существо — ревел, рвался, требовал выпустить его. Кайен сдерживал. Пока. Он приблизился к Элире. Бли-

же. Ещё ближе. Она отступила. В её глазах — впервые — мелькнуло что-то. Удивление? Страх? Нет. Что-то другое.

Кайен выбросил руку. Огненный хлыст — длинный, гибкий — устремился к ней. Элира выставила ледяной щит. Хлыст ударил. Щит треснул. Но выдержал.

Она посмотрела на него. Прямо. В глаза.

— Неплохо, — сказала она. Голос — холодный, ровный. — Для дикаря.

Кайен усмехнулся.

— А ты неплохо держишься. Для ледяной стервы.

Она прищурилась. Впервые — эмоция. Гнев. Настоящий. Живой.

Она атаковала снова. На этот раз — без осторожности. Лёд вокруг неё взорвался — волна холода, сметающая всё на пути. Кайен не успел увернуться. Холод ударил в грудь. Он отлетел назад. Упал. Больно. Очень больно.

Но он встал.

Элира смотрела на него. Ждала. Добивать? Или дать шанс?

Кайен поднялся. Огонь внутри него — теперь уже не просто огонь. Что-то другое. Тьма. Она шептала: *«Используй меня. Победи её. Покажи, кто ты.»*

Он почти поддался. Почти.

Но затем посмотрел на Элиру. На её лицо. На её глаза. И увидел — на мгновение, на долю секунды — не ледяную королеву. А девушку. Уставшую. Одинокую. Такую же, как

он.

Он остановился.

— Хватит, — сказал он. — Ничья.

Профессор Торн подняла руку.

— Достаточно. Ничья.

Элира опустила руки. Лёд исчез. Она смотрела на Кайена — долго, внимательно. Словно пыталась понять. Словно увидела что-то, чего не ожидала.

Кайен ответил тем же взглядом. Но ничего не сказал.

Он не знал, что только что произошло. Но что-то произошло. Что-то важное.

После занятия Кайен пошёл в библиотеку.

Он не искал компанию. Не хотел разговаривать. Ему нужно было найти информацию. О лекарстве для Лиры. О чуме. О чём угодно, что могло помочь. Он уже обыскал открытые секции. Ничего. Теперь оставалась только Запретная секция.

Библиотека Забвения была лабиринтом. Многоуровневым, тёмным, полным книг, которые летали сами по себе. Они кружили под потолком, шуршали страницами, шептали — каждая своим голосом. Кайен игнорировал их. Он шёл вглубь — туда, где начинались стеллажи с запрещёнными текстами. Туда, куда студентам вход был запрещён.

Он нашёл нужную полку. Тёмный угол. Пыль. Книги, переплетённые в чёрную кожу. Он провёл пальцем по корешкам. Читал названия.

«Некромантия: Запретное искусство.»

«Кровавые ритуалы: Практическое руководство.»

«Сделки с сущностями: Опасности и выгоды.»

Он остановился. Сделки с сущностями. Это. Он потянулся к книге.

— Что ты здесь делаешь?

Голос — холодный, резкий — раздался за спиной. Кайен обернулся.

Элира Вейл стояла в двух шагах от него. Руки скрещены. Глаза — ледяные. Она смотрела на книгу в его руках. На название.

— Некромантия, — сказала она. — Запретное искусство. Интересно.

Кайен сжал книгу.

— Не твоё дело.

— Ты — в Запретной секции. Это дело академии. И моё. — Она шагнула ближе. — Зачем тебе эта книга?

— Не твоё. Дело.

Элира прищурилась. Она не отступала. Не боялась. Это раздражало. И... впечатляло.

— Ты что-то скрываешь, — сказала она. — Я видела вчера. На церемонии. Твои руки. Ожоги. Они... чёрные.

Кайен вздрогнул. Он не ожидал, что она заметит. Никто не замечал.

— Это не твоё дело, — повторил он. Но голос дрогнул.

Элира посмотрела на него. Долго. Внимательно. Словно читала. Словно видела насквозь.

— Знаешь, — сказала она наконец, — я тоже что-то скрываю. Но я не ищу запретные книги. Я не рискую отчислением. Я просто... живу с этим.

Она повернулась и пошла прочь. Кайен смотрел ей вслед. Он не понимал. Почему она не донесла? Почему не использовала это против него? Она ведь могла. Одна жалоба — и его выгонят. Стипендия — аннулирована. Лира — мертва.

Но она не сделала этого.

Он посмотрел на книгу в руках. Затем — на её удаляющуюся фигуру. И что-то внутри него — что-то, что не было тьмой — шевельнулось.

Ночью Кайен не спал.

Он лежал на кровати, уставившись в потолок, и слушал. Дориан спал. Ровно. Тихо. Кайен завидовал. Он не мог спать. Не мог закрыть глаза. Потому что знал: как только закроет — придёт он. Ноктис.

«Ты думал, ты можешь её спасти?» — голос раздался в голове. Тихий. Вкрадчивый. *«Ты слаб. Ты ничтожество. Ты не сможешь. Прими меня. Я дам тебе силу.»*

— Нет, — прошептал Кайен. — Я не приму тебя.

«Тогда она умрёт. Твоя сестра. Лира. Она умрёт. И ты будешь винить себя. Всю жизнь. Ты будешь помнить, что

мог её спасти. Но отказался.»

Кайен закрыл глаза. Сжал кулаки. Ожоги вспыхнули — чёрным, горячим. Больно.

«Прими меня, — прошептал Ноктис. — И я всё исправлю.»

Кайен открыл глаза. Посмотрел на свои руки. Чёрные линии — вены тьмы — ползли по коже. От запястий к локтям. Медленно. Неумолимо.

Он встал. Подошёл к окну. Посмотрел на костёр во дворе. Огонь. Его стихия. Его жизнь. Но теперь — не только его.

Он сжал кулак. Тьма отступила. На время.

Но он знал: она вернётся. И в следующий раз — может быть сильнее.

Он посмотрел на луну. На море. На туман. И подумал о ней. О девушке с ледяными глазами. О Элире Вейл.

Она видела его тьму. И не отвернулась.

Почему?

Он не знал ответа. Но хотел узнать.

И это желание — узнать — было опаснее всего остального.

ГЛАВА 3: «ПРАВИЛА И ИСКЛЮЧЕНИЯ»

Утро в Арканume начиналось с холода.

Элира проснулась за час до рассвета — привычка, выработанная годами. Она лежала в кровати, слушая, как море бьётся о скалы, и смотрела на тонкую полоску света, пробивающуюся сквозь шторы. Сон не шёл. После видения — крови, тьмы, янтарных глаз — она боялась закрывать глаза. Боялась увидеть его снова. Мёртвого. На её руках.

Она села. Посмотрела на левую ладонь. Шрам пульсировал — слабо, но заметно. Чёрная линия, появившаяся ночью, исчезла. Спряталась под кожей. Ждала.

Элира сжала кулак. Встала. Умылась ледяной водой — не магией, обычной, из таза — и начала одеваться. Мантия Дома Аква. Синяя, с серебряной вышивкой. Простая. Функциональная. Она не носила украшений. Не носила ничего, что могло бы привлечь внимание. Ледяная принцесса не нуждалась в блеске.

Она заплела волосы в тугую косу. Надела перчатки — тонкие, чёрные, из мягкой кожи. Они скрывали шрам. И трещины. И всё, что она не хотела показывать.

В дверь постучали.

— Элира! — Голос Серафины — звонкий, бодрый — про-

ник сквозь дерево. — Ты встала? Конечно, встала. Ты всегда встаёшь раньше всех. Открой, у меня новости!

Элира вздохнула. Подошла к двери. Открыла.

Серафина стояла на пороге — растрёпанная, улыбающаяся, с двумя чашками в руках. От одной пахло чаем. От другой — чем-то сладким.

— Я принесла завтрак, — объявила она, проходя мимо Элиры в комнату без приглашения. — Ты вчера не ужинала. Я проверяла. Ты сидела в библиотеке до полуночи. Это ненормально. Даже для тебя.

— Я не голодна.

— Все так говорят. — Серафина поставила чашки на стол. — А потом падают в обморок на первом же занятии. Садись. Ешь.

Элира посмотрела на неё. На чашку. На пар, поднимающийся над чаем. Она не привыкла к этому. К заботе. К кому-то, кто замечал, что она не ела. К кому-то, кто стучал в дверь просто так.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она.

— Что? — Серафина уселась на край кровати. — Приношу завтрак? Потому что я хороший человек. И потому что ты — мой проект.

— Проект?

— Ага. — Серафина откусила булочку. — Я решила: к концу года ты будешь улыбаться. Хотя бы раз. Это моя цель. Миссия. Предназначение.

Элира села за стол. Взяла чашку. Отпила. Чай был горячим. Сладким. С мёдом.

— У тебя странные цели.

— У меня лучшие цели. — Серафина ухмыльнулась. — Так. Сегодня первое занятие по истории магии. Профессор Орлов. Говорят, он скучный до слёз. Но у него можно спать — он не замечает. Главное — не храпеть.

Элира не ответила. Но чай допила.

Аудитория истории магии была огромной.

Амфитеатр с рядами, поднимающимися к потолку. Каменные скамьи, покрытые подушками. Стены — с барельефами, изображающими сцены из прошлого. Войны. Битвы. Ритуалы. Элира села на последний ряд. Серафина — рядом. Остальные студенты — внизу. Ближе к профессору. Ближе к выходу.

Профессор Орлов оказался именно таким, как описывала Серафина. Высокий, сутулый, с бородой до пояса и глазами, которые смотрели сквозь студентов. Он говорил монотонно. Тихим голосом. Словно читал лекцию самому себе.

— ...Война Стихий, — бубнил он, — началась в 1247 году от Основания Арканума. Конфликт между королевствами Валенкар и Аскалон. Причина — спор о контроле над Эфирным потоком. Первый удар нанёс герцог Райан Вейл. Он использовал запретную магию — некромантию — чтобы поднять армию мёртвых...

Элира замерла.

Герцог Райан Вейл. Её предок. Она знала эту историю. Знала с детства. Отец рассказывал её с гордостью. «Мы — Вейлы. Мы сильны. Мы не боимся использовать силу.» Но сейчас, слушая профессора, она чувствовала другое. Не гордость. Стыд.

— ...Армия мёртвых уничтожила три города, — продолжал Орлов. — Погибло более десяти тысяч человек. Война закончилась только после вмешательства Совета Арканума. Райан Вейл был казнён. Его род — проклят. На три поколения.

Студенты зашептались. Элира чувствовала взгляды. Кто-то обернулся. Кто-то смотрел на неё. Она не отводила глаз. Не показывала слабость. Но внутри — что-то сжалось.

— Ты не он, — прошептала Серафина. — Ты не обязана быть как они.

Элира не ответила. Но рука Серафины — тёплая, живая — коснулась её руки. На секунду. На мгновение. Элира не отдёрнулась.

Столовая была шумной.

Элира сидела одна — за столом в углу, подальше от всех. Перед ней — тарелка с супом, который она не ела. Ложка. Хлеб. Она смотрела в стену. Считала трещины в камне. Ждала, когда закончится обед.

Серафина сидела за другим столом — с аэромантами. Она

махала Элире рукой, звала. Элира качала головой. Нет. Она не хотела сидеть с ними. Не хотела притворяться.

За соседним столом — Игнис. Огненные маги. Громкие. Шумные. Кайен Дравен сидел в центре, окружённый несколькими парнями. Дориан — рядом. Молчаливый, как всегда. Кайен что-то рассказывал. Остальные смеялись.

Элира смотрела. Не специально. Просто... смотрела. На его руки. На ожоги. На то, как он жестикулировал, когда говорил. На то, как его глаза — янтарные, яркие — загорались, когда он улыбался.

Он был... живым. Настоящим. Не таким, как аристократы, которые всегда играли роли. Он не играл. Он просто был.

— Смотришь на простолюдина?

Голос раздался справа. Элира обернулась. Виконт Александр Вейл — её брат — стоял рядом. Высокий. Холодный. С теми же платиновыми волосами. С теми же ледяными глазами. Но без шрама. Без проклятия. Без души.

— Я смотрю в стену, — ответила Элира.

— Не ври мне. — Александр сел напротив. Без приглашения. — Я видел. Ты смотрела на Дравена. На простолюдина. На выскочку, который думает, что может играть с нами.

— Он не играет.

— Он — никто. — Александр наклонился вперёд. — Его отец — обедневший барон. Его мать — целительница. Он здесь только потому, что получил стипендию. Подачку. Он не ровня тебе. Он не ровня нам.

Элира сжала ложку.

— Что тебе нужно, Александр?

— Предупреждение. — Он улыбнулся. Холодно. Как отец. — Я видел вас вчера. На арене. Ты дралась с ним. Ты смотрела на него. Это... заметно. Люди говорят. Отец узнает.

— Мне плевать.

— Тебе не плевать. — Александр подался ещё ближе. — Если ты опозоришь род, отец лишит тебя наследства. Ты потеряешь всё. Дом. Титул. Будущее. Ты станешь никем. Как он.

Элира посмотрела на брата. На его лицо. На его глаза. На то, как он наслаждался этим разговором. Как наслаждался властью.

— Я уже никто, — сказала она тихо. — Ты просто не заметил.

Александр откинулся назад. Улыбка исчезла.

— Ты пожалеешь, — сказал он. Встал. Ушёл.

Элира осталась одна. Ложка в её руке согнулась. Она разжала пальцы. Посмотрела на металл. Затем — на стол Игнис. Кайен смотрел на неё. Прямо. В глаза. Он видел. Всё видел.

Элира отвернулась.

Но что-то внутри неё — что-то, что она давно похоронила — дрогнуло.

Внезапно — шум.

Элира подняла голову. За столом Игнис началась ссора.

Один из аристократов — Маркус Роу, сын графа — стоял напротив Кайена. Лицо красное. Руки сжаты в кулаки.

— Ты думаешь, ты лучше нас? — кричал Маркус. — Ты — грязь. Ты — никто. Твоё место — в конюшне. С лошадьми. С такими же, как ты.

Кайен не встал. Не ответил. Он просто смотрел на Маркуса. Спокойно. Янтарные глаза — холодные. Опасные.

— Ты меня слышишь? — Маркус шагнул ближе. — Я говорю с тобой, выскочка!

— Я слышу, — сказал Кайен. — Просто не понимаю, почему ты так громко кричишь. Боишься, что я не замечу, какой ты важный?

Зал затих. Все смотрели. Маркус покраснел ещё сильнее. Его рука потянулась к магии — огонь вспыхнул на пальцах.

— Ты пожалеешь...

— Маркус.

Голос Элиры раздался в тишине. Громко. Чётко. Все обернулись.

Она стояла. Прямая. Ледяная. Смотрела на Маркуса. На его огонь. На его злость.

— Оставь его, — сказала она.

Маркус замер. Огонь на его пальцах дрогнул.

— Что? — переспросил он. — Ты... защищаешь его?

— Я защищаю правила, — ответила Элира. — Драки вне Арены запрещены. Ты знаешь это. Или ты забыл устав?

— Но он...

— Он ничего не сделал. — Элира шагнула вперёд. Лёд в её голосе заставил Маркуса отступить. — Ты оскорбил его. Он ответил. Это не повод для драки. Если ты хочешь сразиться — иди на Арену. Или ты боишься, что проиграешь?

Маркус открыл рот. Закрыл. Посмотрел на Кайена. На Элиру. На студентов, которые смотрели на него. Ожидали.

— Это не кончено, — прошипел он. И ушёл.

Зал выдохнул. Шёпот. Смешки. Элира стояла неподвижно. Она не смотрела на Кайена. Не хотела видеть его лицо. Не хотела знать, что он думает.

Но она чувствовала его взгляд. На себе. Тяжёлый. Внимательный. Благодарный?

Она села. Взяла ложку. Начала есть суп. Холодный. Безвкусный.

— Спасибо.

Голос — тихий, низкий — раздался рядом. Элира подняла голову. Кайен стоял рядом с её столом. Один. Без компании.

— Не благодари, — сказала она. — Я сделала это не ради тебя.

— Знаю. — Он сел напротив. Без приглашения. Как Александр. Но по-другому. Не как хозяин. Как равный. — Ты сделала это, потому что не могла стоять в стороне. Потому что ты не такая, как они.

Элира посмотрела на него.

— Ты меня не знаешь.

— Знаю. — Кайен улыбнулся. Слабо. Искренне. — Ты — ледяная принцесса. Холодная. Надменная. Опасная. Но ты защитила простолюдина. При всех. Зная, что это будет стоить тебе. Значит, ты не такая, как они.

Элира молчала. Она не знала, что сказать. Не знала, как реагировать. На искренность. На улыбку. На то, что кто-то — впервые — увидел её. Настоящую.

— Ты странный, — сказала она наконец.

— Знаю. — Кайен встал. — Но ты тоже. Ледяная принцесса, которая тает. Бывает.

Он ушёл. Элира смотрела ему вслед. На его спину. На то, как он шёл — уверенно, свободно, не оглядываясь. На то, как сердце в её груди билось быстрее. Громче. Неправильно.

Она сжала ложку. Согнула. Снова.

— Чёрт, — прошептала она.

Ночь. Арена.

Элира не могла спать. Слишком много мыслей. Слишком много чувств. Она пришла на Арену — в пустоту, в тишину, в холод. Тренироваться. Выпустить пар. Забыть.

Она вызвала лёд. Ледяные шипы — один, другой, третий — выросли вокруг неё. Она двигалась между ними. Танцевала. Сражалась с тенями. С собой.

Но проклятие напомнило о себе.

Боль — резкая, острая — пронзила левую руку. Элира вскрикнула. Упала на колено. Посмотрела на ладонь. Шрам

— пульсировал. Чёрные вены — ползли от него к запястью. К локтю. К сердцу.

— Нет, — прошептала она. — Нет, не сейчас...

Она сжала руку. Сосредоточилась. Лёд — холод — заполнил её. Остановил вены. Оттеснил тьму. На время. На время.

Элира тяжело дышала. Сидела на камнях. Смотрела на руку. Шрам успокоился. Вены исчезли. Но она знала: они вернутся. Скоро. Быстрее, чем раньше.

Она подняла голову. И увидела его.

Кайен Дравен стоял на другом конце Арены. В темноте. В тишине. Он не подходил. Не говорил. Просто стоял. Смотрел.

Элира встала. Отряхнула мантию. Посмотрела на него.

— Что ты здесь делаешь?

— Не мог спать, — ответил он. — А ты?

— То же.

Молчание. Долгое. Тяжёлое.

— Я видел, — сказал Кайен. — Твою руку. Чёрные вены. Что это?

Элира замерла. Он видел. Он знал. Она могла соврать. Могла уйти. Могла оттолкнуть его. Но что-то — усталость? одиночество? — заставило её остаться.

— Проклятие, — сказала она. — Семейное. Оно... убивает меня. Медленно.

Кайен шагнул ближе. Осторожно. Как к раненому зверю.

— Ты сказала кому-нибудь?

— Нет. — Элира усмехнулась. — И не скажу. Если узнают — меня выгонят. Или хуже. Вейлы не могут быть прокляты. Это... недопустимо.

Кайен молчал. Смотрел на неё. На её руку. На её лицо.

— Знаешь, — сказал он наконец, — я тоже проклят. По-своему. Тьма внутри меня. Она растёт. Она говорит со мной. Она... хочет меня.

Элира посмотрела на него. На его руки. На ожоги. На чёрные линии, которые она заметила раньше. Она не понимала. Но чувствовала: он не врёт.

— Почему ты мне это рассказываешь? — спросила она.

— Потому что ты — единственная, кто не отвернулся. — Кайен улыбнулся. Грустно. — Все смотрят на меня как на монстра. Или как на грязь. Но ты... ты просто смотришь. Как на человека. Это... много.

Элира не знала, что сказать. Она не привыкла к таким словам. К такой честности. К такой уязвимости.

— Я не знаю, как смотреть на людей, — призналась она. — Я всегда была одна. Лёд. Холод. Это... проще.

— Знаю, — сказал Кайен. — Но ты не одна. Сейчас. Я здесь.

Он не подошёл ближе. Не коснулся. Не сказал ничего лишнего. Просто стоял. Рядом. В темноте. В тишине. И это — простое присутствие — было больше, чем всё, что Элира получала за годы.

Она не улыбнулась. Не заплакала. Не обняла его. Но что-

то внутри неё — лёд, который она считала вечным — треснуло. Чуть-чуть.

— Мне пора, — сказала она. — Завтра занятия.

— Да, — сказал Кайен. — Пора.

Они не двинулись. Ещё минуту. Две. Стояли рядом. Смотрели на море. На туман. На звёзды.

Затем Элира ушла. Медленно. Не оглядываясь. Но чувствуя его взгляд. На себе. Всю дорогу до общежития.

Ночью ей приснился сон.

Кайен лежал на её руках. Мёртвый. Кровь — на её пальцах. Слёзы — на её щеках. Она плакала. Впервые за долгое время. По нему.

Она проснулась от собственного крика.

Серафина вбежала в комнату. Бледная. Испуганная.

— Элира! Что случилось?

Элира сидела на кровати. Смотрела на свои руки. Чистые. Без крови. Но дрожащие.

— Ничего, — прошептала она. — Просто... сон.

Серафина села рядом. Обняла её. Элира не отдёрнулась. Впервые — позволила. Тепло. Живое. Настоящее.

— Ты можешь рассказать мне, — сказала Серафина. — Что бы это ни было. Я не уйду.

Элира закрыла глаза. Вдохнула. Выдохнула.

— Я вижу его, — сказала она. — Во сне. Кайена. Он... умирает. Из-за меня. И я... я не могу это остановить.

Серафина молчала. Долго. Затем — тихо:

— Ты видишь будущее? Или прошлое?

— Не знаю, — прошептала Элира. — Не знаю.

Она посмотрела на шрам. На ладонь. На трещину, которая стала глубже.

Проклятие. Сон. Кайен. Всё смешалось. Всё переплелось.

И она не знала, где кончается одно и начинается другое.

ГЛАВА 4: «ТУРНИР ТЕНЕЙ»

Кайен проснулся от того, что кто-то тряс его за плечо.

— Вставай. Срочно.

Голос Дориана. Резкий. Необычно громкий. Кайен открыл глаза. За окном — серое утро. Туман. Дождь. Дориан стоял над ним, одетый, с каким-то пергаментом в руках.

— Что случилось? — Кайен сел. Голова тяжёлая. Он почти не спал. Опять.

— Объявление. — Дориан протянул пергамент. — Ректор. Только что вывесили. Турнир Теней.

Кайен взял пергамент. Прочитал. Медленно. Дважды.

«Студентам Академии Арканума.

Объявляется ежегодный Турнир Теней. Соревнование проводится в парах. Стихии должны дополнять друг друга. Победители получают Дар Арканума — исполнение одного желания.

Регистрация — до конца недели. Турнир начинается через месяц.

Ректор Арканума, магистр Альдрик Вейн.»

Кайен сжал пергамент. Дар Арканума. Исполнение одного желания. Лекарство для Лиры. Шанс.

— Ты думаешь о том же, о чём и я, — сказал Дориан.

— Да. — Кайен встал. Начал одеваться. Быстро. — Мне нужен напарник.

— Тебе нужен кто-то, кто не пошлёт тебя куда подальше. — Дориан скрестил руки. — Удачи.

Кайен усмехнулся. Горько.

— Спасибо за поддержку.

— Я реалист. — Дориан пожал плечами. — Ты — Игнис. Стипендия. Простолюдин. Половина академии тебя ненавидит. Вторая половина боится. Кто согласится?

Кайен застегнул мантию. Посмотрел на свои руки. Ожоги. Чёрные линии — спрятанные под перчатками. Тьма. Он знал ответ. Никто не согласится. Никто, кроме...

Он остановился. Рука замерла на пуговице.

— Ты думаешь о ней, — сказал Дориан. Не вопрос.

— Нет, — соврал Кайен.

— Думаешь. — Дориан подошёл ближе. — Элира Вейл. Аква. Лёд. Она — единственная, кто может уравновесить твой огонь. И она... не такая, как остальные. Она заступилась за тебя. Вчера. При всех.

— Она заступилась за правила, — буркнул Кайен. — Не за меня.

— Ты сам в это веришь? — Дориан посмотрел на него. Внимательно. — Она смотрела на тебя. На Арене. Ночью. Ты думаешь, я не заметил?

Кайен молчал. Он не знал, что сказать. Он не знал, что чувствует. Он не знал, что делать.

— Ладно, — сказал он наконец. — Я поговорю с ней.

— Удачи, — повторил Дориан. Но на этот раз — с улыб-

кой.

Найти Элиру оказалось просто.

Она была в библиотеке. Всегда в библиотеке. Сидела за столом в дальнем углу — в окружении книг, пергаментов, чернильниц. Писала что-то. Сосредоточенно. Не поднимая головы.

Кайен подошёл. Остановился в двух шагах. Посмотрел на неё. На платиновые волосы, собранные в косу. На тонкие пальцы, держащие перо. На шрам, мелькнувший под перчаткой. На то, как она кусала губу, когда думала.

Красивая. Он знал это. Знал с первой встречи. Но сейчас — в этой тишине, в этом свете — она казалась... другой. Не ледяной королевой. А девушкой. Уставшей. Одинокой. Такой же, как он.

— Ты собираешься стоять там весь день? — спросила она, не поднимая головы. — Или скажешь, зачем пришёл?

Кайен вздрогнул. Он думал, она не заметила. Ошибся.

— Мне нужна твоя помощь, — сказал он.

Элира подняла голову. Голубые глаза. Ледяные. Но в них — на мгновение — мелькнуло что-то. Любопытство? Настороженность?

— Помощь? — переспросила она. — Ты? У меня?

— Турнир Теней. — Кайен сел напротив. Без приглашения. — Мне нужен напарник. Ты — Аква. Я — Игнис. Мы подходим.

Элира отложила перо. Посмотрела на него. Долго. Внимательно.

— Почему я?

— Потому что ты сильная. — Кайен смотрел прямо. — Потому что ты не боишься меня. Потому что... ты видела мою тьму. И не отвернулась.

Элира молчала. Она смотрела на него. На его лицо. На его глаза. На то, как он говорил — без игры, без притворства. Искренне.

— Что ты хочешь? — спросила она. — От турнира?

— Дар Арканума. — Кайен сжал кулаки. — Моя сестра. Она больна. Эфирная чума. Целители говорят, что ей осталось меньше года. Я должен её спасти.

Элира отвела взгляд. Посмотрела на книги. На свои руки. На шрам.

— У меня свои причины, — сказала она тихо. — Я тоже хочу участвовать.

— Какие?

— Не твоё дело.

Кайен усмехнулся.

— Справедливо. — Он наклонился вперёд. — Так что? Согласна?

Элира смотрела на него. Долго. Секунду. Две. Три.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Но с одним условием.

— Каким?

— Ты расскажешь мне, зачем тебе победа. Всё. Без вранья. — Она посмотрела на него. — Я хочу знать, с кем я в паре.

Кайен замер. Он не ожидал этого. Не ожидал, что она спросит. Что ей действительно интересно. Что она хочет знать его.

— Хорошо, — сказал он. — Расскажу.

Элира кивнула. Взяла перо. Вернулась к своим записям.

— Тогда начнём завтра. Арена. После заката. Не опаздывай.

Кайен встал. Повернулся. Пошёл к выходу.

— Кайен.

Он обернулся. Элира смотрела на него. Что-то в её глазах — что-то, чего он не видел раньше. Мягкое. Тёплое.

— Я не сделаю это ради тебя, — сказала она. — Я делаю это ради... себя. Но я не подведу.

Кайен улыбнулся.

— Я знаю.

Он ушёл. Но чувство — её взгляд на спине — осталось. Долго. Очень долго.

Первая тренировка началась с ссоры.

Кайен пришёл на Арену вовремя. Даже раньше. Элира уже была там — стояла в центре, окружённая ледяными шипами. Ждала.

— Ты опоздал, — сказала она.

— Я пришёл раньше, — возразил он.

— Значит, ты медленный.

Кайен усмехнулся. Она не улыбнулась в ответ. Но что-то в её глазах — искра — мелькнуло.

— Начнём, — сказала она. — Покажи, что ты умеешь.

Кайен поднял руку. Огонь вспыхнул на его пальцах. Яркий. Живой. Горячий. Он выбросил его вперёд — огненный шар, летящий к Элире. Она выставила ледяной щит. Шар ударил. Пар. Шипение. Щит выдержал.

— Слабо, — сказала она.

— Разогрев.

Он атаковал снова. Быстрее. Сильнее. Огненные хлысты, кнуты, стены пламени. Элира уклонялась. Блокировала. Контратаковала. Лёд против огня. Огонь против льда.

Они сражались молча. Яростно. Опасно. Каждый удар — на грани. Каждый выпад — без пощады. Они не доверяли друг другу. Не пытались понять. Просто били. Просто выживали.

Кайен почти попал в неё. Огненный хлыст — близко, слишком близко. Элира отскочила. Споткнулась. Упала.

Кайен остановился. Протянул руку.

— Ты в порядке?

Элира посмотрела на его руку. На его лицо. На протянутую ладонь. Она не взяла её. Встала сама.

— Не смей меня жалеть, — прошипела она.

— Я не жалею, — сказал Кайен. — Я предлагаю помощь.

— Мне не нужна твоя помощь.

— Тогда зачем ты здесь?

Элира замерла. Посмотрела на него. Злость в её глазах — настоящая. Живая.

— Потому что мне нужен Дар, — сказала она. — Не ты. Не твоя помощь. Просто Дар.

— Тогда перестань вести себя как ледяная стерва и начни работать в команде, — огрызнулся Кайен.

Элира вспыхнула. Лёд вокруг неё взорвался. Волна холода — острая, опасная — ударила в Кайена. Он отлетел. Упал. Больно.

— Вот так? — крикнул он, поднимаясь. — Это твоя команда? Убить напарника?

— Ты сам напросился! — крикнула она в ответ.

Они стояли друг напротив друга. Тяжело дыша. Полные ярости. Огня и льда. Ненависти.

И вдруг — что-то произошло.

Кайен не понял, как это началось. Как это случилось. Он просто почувствовал: что-то тянет его вперёд. Что-то связывает его с ней. Он поднял руку. Она тоже. Лёд и огонь — одновременно — устремились навстречу друг другу.

Взрыв. Но не разрушительный. Нет. Созидательный.

Пар. Белый. Густой. Тёплый. Он поднялся в воздух — облако, заполнившее всю арену. Внутри него — искры. Огненные. Ледяные. Танцующие. Красивые.

Кайен замер. Элира тоже. Они смотрели на это. На то, что

создали вместе. Не разрушение. Не хаос. Что-то другое. Что-то... невозможное.

— Это... — прошептала Элира.

— Да, — сказал Кайен. — Это.

Пар рассеялся. Они остались стоять. Смотреть друг на друга. Тяжело дыша. Но уже не от ярости. От чего-то другого.

— Как ты это сделала? — спросил Кайен.

— Я... не знаю. — Элира посмотрела на свои руки. — Я просто... почувствовала тебя. Твой огонь. Он... позвал.

— Я тоже, — сказал Кайен. — Твой лёд. Он... ответил.

Молчание. Долгое. Тяжёлое.

— Это опасно, — сказала Элира.

— Знаю.

— Мы не должны... — Она запнулась. — Не должны сближаться.

— Знаю.

— Тогда почему ты смотришь на меня так?

Кайен не ответил. Он не знал ответа. Он просто смотрел. На неё. На её лицо. На её глаза. На то, как она стояла — сильная, но уставшая. Холодная, но живая.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Но я не могу не смотреть.

Элира отвернулась. Она подошла к краю арены. Села. Обхватила колени руками. Кайен подошёл. Сел рядом. Не близко. Но и не далеко.

Они сидели молча. Смотрели на море. На туман. На звёзды, проступающие сквозь облака.

— Моя мать умерла, когда мне было семь, — сказала Элира. Тихо. Почти шёпотом. — Её казнили. За некромантию. Отец... он не защитил её. Он сам вынес приговор. Я видела. Я стояла рядом. Смотрела, как её... — Она замолчала. Сжала кулаки. — С тех пор я не позволяю себе чувствовать. Ничего. Потому что чувства — это слабость. А слабость — это смерть.

Кайен слушал. Не перебивал. Не утешал. Просто слушал.

— Мой отец — обедневший барон, — сказал он. — Мать умерла при родах. Лира — моя сестра — заболела три года назад. Эфирная чума. Я делал всё, чтобы её спасти. Продавал вещи. Работал. Умолял целителей. Ничего не помогало. Тогда я... — Он остановился. Посмотрел на свои руки. На ожоги. — Я заключил сделку. С сущностью. С тьмой. Она пообещала силу. Пообещала спасти Лиру. Я согласился. Теперь она внутри меня. Растёт. Говорит. Хочет контроля.

Элира посмотрела на него. На его руки. На чёрные линии, выглядывающие из-под перчаток.

— Ты продал душу, — сказала она.

— Да.

— Ради сестры.

— Да.

— Это... — Она запнулась. — Это не эгоизм. Это любовь.

Кайен усмехнулся. Горько.

— Любовь, которая убивает меня. Отличная сделка.

Элира молчала. Затем — медленно, неуверенно — протянула руку. Коснулась его ладони. Через перчатку. Но всё равно — тепло. Живое.

— Мы найдём способ, — сказала она. — Вместе. Ты поможешь мне с проклятием. Я помогу тебе с тьмой. Мы... справимся.

Кайен посмотрел на её руку. На свою. На то, как они — лёд и огонь — соприкоснулись.

— Почему ты помогаешь мне? — спросил он. — Ты ведь меня ненавидишь.

— Я тебя не ненавижу, — сказала Элира. — Я тебя... боюсь.

— Боишься?

— Да. — Она посмотрела на него. Прямо. — Ты заставляешь меня чувствовать. А я не хочу чувствовать. Это больно.

Кайен сжал её руку. Осторожно. Нежно.

— Я тоже боюсь, — сказал он. — Но почему-то... с тобой не так страшно.

Элира не ответила. Но и не убрала руку. Они сидели так — рука в руке — и смотрели на море. На туман. На звёзды.

Долго. Очень долго.

Ночью Кайен не мог уснуть.

Он лежал в кровати и смотрел на потолок. В голове — её лицо. Её слова. Её рука в его руке. Тепло. Живое.

«Ты заставляешь меня чувствовать.»

Он тоже чувствовал. Что-то. Что-то, чего не чувствовал давно. Может, никогда.

«Она слаба. Используй её.»

Голос Ноктиса. Резкий. Злой.

— Замолчи, — прошептал Кайен.

«Она — ключ. Через неё ты получишь силу. Через неё ты спасёшь сестру. Используй её. Или я сделаю это сам.»

— Нет. — Кайен сжал кулаки. — Я не буду её использовать.

«Посмотрим.»

Голос исчез. Но осталось чувство — липкое, тёмное. Кайен встал. Подошёл к окну. Посмотрел на Арену. Пустую. Тёмную. Он думал о ней. О Элире. О том, как она смотрела на него. Как держала за руку. Как сказала: «Мы справимся».

Он не знал, что будет дальше. Не знал, сможет ли победить тьму. Не знал, выживет ли.

Но он знал одно: он не один. Впервые. За долгое время. Он не один.

И это — простое знание — было сильнее тьмы.

ГЛАВА 5: «ТРЕЩИНЫ»

Слухи в Аркануме распространялись быстрее чумы.

Элира поняла это утром — когда вышла из комнаты и наткнулась на группу первокурсников, которые тут же замолчали. Пять пар глаз. Пять взглядов. Шёпот за спиной, когда она прошла мимо.

— ...видели их на Арене...

— ...ночью, вдвоём...

— ...Дравен и Вейл? Невозможно...

Элира не обернулась. Не ускорила шаг. Не замедлила. Она шла ровно, прямо, с высоко поднятой головой. Ледяная принцесса. Ей было плевать. Ей всегда было плевать.

Ложь.

Она чувствовала их взгляды. Слышала их шёпот. И внутри — глубоко, в той части, которую она прятала ото всех — что-то сжималось. Что-то болело.

— Элира!

Серафина догнала её в коридоре. Растрёпанная, запыхавшаяся, с пачкой пергаментов под мышкой.

— Ты слышала? Все говорят о вас с Кайеном. Говорят, вы тренировались ночью. Вдвоём. На Арене. Говорят...

— Я знаю, что говорят.

— И? — Серафина заглянула ей в лицо. — Это правда?

Элира остановилась. Посмотрела на неё.

— Мы — напарники. Для турнира. Ничего больше.

— Но слухи...

— Слухи — это просто слова. — Элира возобновила шаг. — Слова не имеют значения.

— Слова имеют значение, — возразила Серафина, шагая рядом. — Особенно здесь. Ты же знаешь. Аристократы уже недовольны. Маркус Роу вчера жаловался, что ты «позоришь Дом Аква». Александр...

— Александр — мой брат. — Элира сжала зубы. — Он не имеет надо мной власти.

— Он — наследник рода. Он имеет власть надо всем.

Элира не ответила. Потому что Серафина была права. Александр имел власть. Отец имел власть. Род имел власть. И всё, что Элира делала — каждый шаг, каждое слово, каждое чувство — отражалось на них. На роде. На имени.

Она ненавидела это.

— Ты выглядишь как пара? — спросила Серафина, меняя тему. — Ну, на Арене. Когда тренировались. Вы выглядели как пара?

Элира резко остановилась.

— Нет, — сказала она. Слишком быстро. Слишком резко. — Мы выглядели как... союзники. Временные. Ничего больше.

Серафина прищурилась. Улыбнулась. Медленно.

— Ты покраснела.

— Я не...

— Покраснела. — Серафина ткнула её пальцем в щёку. — Ты. Ледяная принцесса. Покраснела. Это исторический момент.

Элира оттолкнула её руку. Пошла дальше. Быстрее.

— Ничего подобного.

— Всё подобное! — Серафина засмеялась. — О боги, Элира. Ты влюбилась.

— Я не влюбилась.

— Влюбилась.

— Нет.

— Да.

— Серафина.

— Элира.

Они дошли до аудитории. Элира вошла первой. Села на последний ряд. Серафина — рядом. Улыбка не сходила с её лица.

— Я просто говорю, — прошептала она. — Это нормально. Чувствовать что-то. Ты человек, а не статуя.

Элира посмотрела на неё. На её лицо. На её искренность.

— Я не могу, — сказала она тихо. — Чувствовать. Это... опасно.

— Для кого?

Элира не ответила. Профессор вошёл в аудиторию. Занятие началось.

Магистр Кроу был странным.

Элира заметила это с первого взгляда. Высокий, худой, с кожей цвета старой бумаги и глазами, которые, казалось, видели сквозь стены. Он носил фиолетовую мантию — цвет Эфира — и говорил тихо, но каждое слово врезалось в память.

— Эфиромантия, — начал он, стоя в центре аудитории, — самая редкая и самая опасная из стихий. Она не подчиняется законам природы. Она не следует правилам. Она — хаос. Порядок. Жизнь. Смерть. Всё сразу. Эфир — это не стихия. Это ткань реальности. Те, кто владеют ей, могут менять мир. Или уничтожать его.

Студенты молчали. Элира слушала внимательнее, чем обычно. Эфир. Фиолетовая искра. Око.

— Сегодня, — продолжил Кроу, — мы будем работать с Эфирным зеркалом. Артефакт, который показывает истинную сущность. То, чем вы являетесь. Не то, чем вы хотите казаться. Не то, чем вас считают. А то, что внутри.

Он провёл рукой по воздуху. Из ниоткуда появилось зеркало — огромное, овальное, с рамой из чёрного серебра. Поверхность его была тёмной. Мутной. Живой.

— Подходите по одному, — сказал Кроу. — Смотрите. Не бойтесь. Зеркало не лжёт. Но и не ранит. Оно просто показывает.

Первым подошёл Маркус Роу. Посмотрел. Побледнел. От-

вернулся.

— Что ты видел? — спросил Кроу.

— Ничего, — соврал Маркус. — Ничего особенного.

Кроу улыбнулся. Едва заметно.

— Ложь — это тоже ответ.

Следующая — Серафина. Она посмотрела в зеркало. Улыбнулась. Отошла.

— Что ты видела?

— Себя, — сказала Серафина. — Настоящую. И знаете что? Мне понравилось.

Кроу кивнул. Одобрительно.

Очередь двигалась. Студенты подходили. Смотрели. Отходили. Некоторые — бледные. Некоторые — удивлённые. Некоторые — счастливые.

— Леди Вейл, — Кроу посмотрел на неё. — Ваша очередь.

Элира встала. Подошла к зеркалу. Посмотрела.

Сначала — ничего. Только тьма. Мутная. Густая. Как туман за окном. Затем — образ. Медленно. Неохотно.

Она увидела себя. Но не ледяную статую. Не принцессу. Не дочь герцога.

Она увидела девушку в огне.

Пламя — белое, яркое, чистое — окружало её. Оно не жгло. Не разрушало. Оно танцевало. Оно жило. И в этом огне — она улыбалась. Свободно. Легко. Счастливо.

Элира отшатнулась. Сердце билось. Громко. Быстро.

Больно.

— Что ты видела? — спросил Кроу.

— Огонь, — прошептала она. — Я... я видела огонь.

Кроу посмотрел на неё. Долго. Внимательно. Словно знал больше, чем говорил.

— Интересно, — сказал он. — Ледяная Вейл. И огонь. Очень... интересно.

Элира вернулась на место. Села. Руки дрожали. Она спрятала их под столом.

— Что это значит? — прошептала Серафина.

— Не знаю, — соврала Элира.

Она знала. Она боялась. Огонь. Не лёд. Не вода. Огонь. Как у Кайена.

— Кайен Дравен, — вызвал Кроу.

Элира подняла голову. Он шёл к зеркалу. Уверенно. Спокойно. Но она видела: его руки дрожали. Скрыто. Едва заметно.

Он посмотрел в зеркало. Замер.

— Что ты видишь? — спросил Кроу.

Кайен молчал. Долго. Слишком долго.

— Героя, — сказал он наконец. — Я вижу... героя.

Кроу кивнул. Медленно.

— Хорошо. Садись.

Кайен вернулся на место. Сел. Не смотрел на Элиру. Не смотрел ни на кого. Просто смотрел вперёд. Но она видела: что-то изменилось. Что-то в его лице. Что-то в глазах.

Он соврал. Он не видел героя. Он видел что-то другое. Что-то, что напугало его.

Элира поняла это. И почему-то — от этого понимания — ей стало больно.

После занятия Элира нашла Кайена в коридоре.

— Что ты видел? — спросила она. Без предисловий. — В зеркале.

Кайен обернулся. Посмотрел на неё. Устало. Тяжело.

— Не твоё дело.

— Ты сказал, что видел героя. Но это ложь. — Элира шагнула ближе. — Я видела твоё лицо. Что ты видел?

Кайен молчал. Смотрел на неё. Затем — тихо:

— Монстра. Я видел монстра. Чёрного. С горящими глазами. Он улыбался. Он... был мной.

Элира замерла.

— Это не ты, — сказала она. — Это тьма. Она не ты.

— Откуда ты знаешь? — Кайен усмехнулся. Горько. — Может, это и есть я. Может, тьма — это моя истинная сущность. Может, всё остальное — маска.

— Нет, — Элира покачала головой. — Я видела тебя. Настоящего. На Арене. В библиотеке. Здесь. Ты — не монстр. Ты — человек. С ошибками. С болью. С тьмой. Но не монстр.

Кайен посмотрел на неё. Долго. Внимательно.

— Почему ты защищаешь меня? — спросил он. — Я тебе

никто. Мы едва знакомы. Почему тебе не всё равно?

Элира отвела взгляд. Посмотрела в окно. На море. На туман.

— Потому что я видела себя, — сказала она тихо. — В зеркале. Я видела огонь. Не лёд. Не воду. Огонь. Я — Вейл. Ледяная Вейл. Но внутри меня — огонь. И я... я не знаю, что это значит. Я не знаю, кто я. — Она посмотрела на него. — Ты — единственный, кто может понять. Потому что ты тоже... не то, чем кажешься.

Кайен молчал. Смотрел на неё. На её лицо. На её глаза. На то, как она — впервые — открылась. Показала что-то настоящее.

— Мы оба сломаны, — сказал он наконец.

— Да, — согласилась Элира. — Но, может, из осколков можно что-то собрать. Что-то новое.

Кайен улыбнулся. Слабо. Искренне.

— Может.

Они стояли в коридоре. Молча. Смотрели друг на друга. И в этой тишине — в этом моменте — что-то изменилось. Что-то треснуло. Что-то открылось.

— Элира! — Голос Александра раздался из конца коридора. Резкий. Злой.

Кайен отступил. Элира обернулась. Брат шёл к ней. Быстро. Лицо — холодное. Глаза — ледяные.

— Нам нужно поговорить, — сказал он. — Сейчас.

Элира посмотрела на Кайена. На его лицо. На то, как он

сжал кулаки. Готовый защищать. Готовый драться.

— Всё в порядке, — сказала она. — Я справлюсь.

Кайен кивнул. Медленно. Неохотно. Отошёл. Но не ушёл далеко. Остался в коридоре. Смотрел.

Александр подошёл. Близко. Слишком близко.

— Что ты делаешь? — прошипел он. — С ним? При всех? Ты понимаешь, что люди говорят?

— Мне плевать, что говорят люди.

— А отцу не плевать. — Александр схватил её за руку. Больно. — Если ты не прекратишь это, я расскажу ему. О турнире. О тренировках. О том, как ты смотришь на этого... простолюдина. Он вызовет тебя домой. Он лишит тебя наследства. Он...

— Отпусти, — сказала Элира. Тихо. Опасно.

Александр не отпустил. Сжал сильнее.

— Ты — Вейл, — прошипел он. — Ты — не какая-то... шлюха, которая бегает за нищим. Ты — моя сестра. И ты будешь вести себя соответственно.

Элира посмотрела на его руку. На свои пальцы. На лёд, который начал собираться на её коже. Она могла его заморозить. Могла сломать ему руку. Могла...

— Отпусти её.

Кайен. Он подошёл. Встал рядом. Не касаясь. Но близко. Очень близко.

Александр посмотрел на него. На его руки. На огонь, мерцающий на пальцах.

— Не лезь, — сказал он. — Это семейное дело.

— Она сказала: отпусти.

Александр усмехнулся. Отпустил. Медленно. Демонстративно.

— Хорошо. — Он отступил. Посмотрел на Элиру. На Кайена. — Но это не конец. Я предупредил. Ты пожалеешь.

Он ушёл. Элира стояла. Смотрела на свою руку. На красные следы от пальцев брата.

— Ты в порядке? — спросил Кайен.

— Да. — Она посмотрела на него. — Спасибо. Ты не должен был... вмешиваться.

— Знаю. — Кайен улыбнулся. — Но я не мог стоять в стороне.

Элира смотрела на него. На его лицо. На его глаза. На то, как он смотрел на неё. Тепло. Защитно. Живо.

— Ты странный, — сказала она.

— Ты повторяешься.

— Знаю. — Она улыбнулась. Впервые. Настоящей улыбкой. — Но это правда.

Кайен замер. Посмотрел на её улыбку. На то, как её лицо — ледяное, холодное — стало другим. Мягким. Тёплым. Красивым.

— Ты улыбаешься, — сказал он.

— Да.

— Тебе идёт.

Элира покраснела. Отвернулась. Быстро.

— Мне пора. Дела. Занятия.

Она ушла. Быстро. Не оглядываясь. Но чувствуя его взгляд. На спине. Тёплый. Живой.

Ночь. Комната Элиры.

Она не спала. Сидела на кровати. Смотрела на свою руку. На шрам. На трещину, которая стала глубже.

Проклятие. Оно росло. Она чувствовала. Медленно. Но верно. Как червь в яблоке. Как лёд в сердце.

Она сжала руку. Вдохнула. Выдохнула. Попыталась успокоиться. Попыталась забыть. Всё. Кайена. Улыбку. Тепло. Александра. Угрозу. Страх.

Но боль — резкая, острая — пронзила грудь.

Элира вскрикнула. Упала на кровать. Схватилась за сердце. Боль — сильнее, чем раньше. Гораздо сильнее.

Она посмотрела на руку. Чёрные вены — ползли от шрама. К запястью. К локтю. К плечу. Быстрее. Агрессивнее. Они не останавливались.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Боль усилилась. Элира задохнулась. Мир потемнел. Она почти потеряла сознание.

— Элира! — Дверь открылась. Серафина. Она вбежала. Увидела. Побледнела. — Элира! Что... что происходит?!

— Проклятие, — выдохнула Элира. — Оно... оно активировалось...

Серафина бросилась к ней. Схватила за руку. Посмотрела

на вены. На тьму, ползущую по коже.

— Я вызову целителя...

— Нет! — Элира схватила её за руку. — Никого. Пожалуйста. Никто не должен знать.

— Но ты...

— Я справлюсь. — Элира закрыла глаза. Сосредоточилась. Лёд — её лёд — внутри неё. Холод. Чистота. Сила. Она направила его в руку. В вены. В тьму.

Борьба. Долгая. Болезненная. Элира чувствовала, как тьма сопротивляется. Как она кусает. Как она хочет больше.

Но лёд — её суть — был сильнее. На этот раз.

Вены отступили. Медленно. Неохотно. Скрылись под кожей. Шрам успокоился. Боль утихла.

Элира открыла глаза. Тяжело дышала. Всё тело — в поту. Руки дрожали.

— Ты... — Серафина смотрела на неё. В ужасе. — Ты чуть не умерла.

— Знаю, — прошептала Элира.

— Ты должна кому-то рассказать. Кому-то, кто может помочь. Магистр Кроу...

— Нет. — Элира покачала головой. — Никому. Если узнают... если отец узнает... он использует это. Против меня. Против рода. Он... — Она замолчала. Слёзы — впервые за долгое время — подступили к глазам. — Я не могу. Я не могу позволить им узнать.

Серафина обняла её. Крепко. Тепло. Живо.

— Тогда я помогу, — сказала она. — Я не уйду. Я обещаю.

Элира закрыла глаза. Позволила себе — на секунду — быть слабой. Позволила себе — на мгновение — почувствовать. Тепло. Поддержку. Дружбу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.